

Фулан Чжэн был искренне тронут сыновней почтительностью Цинъюня, но не мог позволить младшему сыну и дальше оставаться при них. Вся жизнь юноши в таком случае прошла бы в деревне Цинсян. Теперь, когда у семьи появилась возможность поехать в уездный город и вкусить лучшей доли, к чему было запира́ть его в этой глуши?

— Цинъюнь, мы здесь вдвоём прекрасно справимся. Кто знает, быть может, следующей весной и мы с твоим отцом переберёмся в Синьфэн. Как только жатва закончится, отправляйтесь вместе с Шаньчэном и Гэ'эр Линем. Ты у нас нравом кроткий, так что ты, Шаньчэн, как приедете, обязательно поговори с Шаньцы. Пусть он присмотрит для брата достойного человека. Или пусть Цинъюнь просто поживёт у него несколько лет — ему ведь только четырнадцать, после Нового года исполнится пятнадцать, так что спешить некуда.

Чжэн Шаньчэн кивнул:

— Отец, папа, вы и вправду не поедете?

— Посмотрим в следующем году, — ответил отец Чжэна. — Зимой нам, старикам, лишний раз и двигаться неохота. Когда Шаньцы сдавал экзамены, его часто не было дома на праздники, так что ваш приезд позволит ему провести этот Новый год в кругу семьи. К тому же твоя нога... В зимние ночи тебя всегда изводит холод, старая рана ноет. Раньше нам не на что было лечить тебя в городе, обходились лишь отварами нашего босоногого лекаря. Теперь же, оказавшись в уезде, обязательно найди хорошего врача и займись ногой.

Раньше семья отдавала все до последнего гроша Чжэн Шаньцы, чтобы тот мог учиться. Шаньчэн, будучи старшим братом, нёс на себе тяжёлое бремя, но никогда не жаловался на судьбу. Родители всё это видели и, конечно, всем сердцем сопереживали сыну. Фулан Чжэн до сих пор помнил, как едва не выплакал все глаза, когда его старший сын, служивший прислугой в богатом доме в городе, вернулся со сломанной ногой, несправедливо обвинённый в проступке.

Он слишком хорошо знал характер первенца. Наверняка те городские выскочки просто помыкали им, а стоило парню как-то не угодить управляющему — его тут же вышвырнули вон.

Если бы его просто прогнали — это полбеды, но его избili до полусмерти. Поистине, сердца тех людей были чернее сажи.

Гэ'эр Линь, услышав слова отца, внутренне вострепнулся. Он каждую ночь делил ложе с мужем и знал, как того мучает старая рана зимой — порой Шаньчэн просыпался в холодном поту от невыносимой боли. После свадьбы они как-то раз ходили к городскому лекарю, и тот сказал, что нога всё ещё сохранила чувствительность, а значит, её можно вылечить, если найти по-настоящему искусного мастера.

Теперь Линь был твёрд в своём решении: они едут в Синьфэн.

Уездный город — это не захолустный посёлок, к тому же деверь теперь — начальник уезда, он наверняка сможет разыскать лучшего доктора.

Старший брат же, услышав об упоминании своей раны, лишь добродушно рассмеялся:

— Всё в порядке, отец. Я уже привык. У кого в нашем деле не бывает болячек? Мне только не по себе от того, что вы с папой из-за меня расстраиваетесь.

— Брат с невесткой пусть едут, а я останусь в деревне, — вновь подал голос Циньинь. — Я не привык к городской жизни и хочу быть здесь.

Линь тут же перехватил инициативу:

— Циньинь, что за глупости ты говоришь! Ты ведь в уезде-то ни разу не был, откуда тебе знать, привыкнешь ты или нет? Ты всего-то пару раз в наш городок выбирался, а в уезде — там такое величие! Лавки на каждом шагу, торговцы со всего света. А наряды какие, а украшения! Виды там — глаз не оторвать. К тому же жить будем в самой управе. Твой второй брат — начальник уезда, кто посмеет тебя обидеть? Да такой наглец жизни лишится быстрее, чем рот раскроет! Будешь там ходить с гордо поднятой головой и делать что душе угодно.

Заметив, что младший брат заколебался, Линь поспешил закрепить успех:

— А со временем откроешь свою лавку, займёшься тканями. Будешь сам себе хозяйка, свои деньги в кошельке иметь — разве это плохо?

— И больше не придётся тебе, — Линь весело рассмеялся, — трястись в телеге до города, чтобы продать пару платков. Вышел за порог — и всё сразу с руками оторвали. А впрочем, — он подмигнул, — тогда тебе, Циньинь, и вовсе вышивать ради куска хлеба не придётся.

Фулан Чжэн, слушая эти красочные описания, довольно улыбнулся:

— Твоя невестка дело говорит. О нас не беспокойся — род Чжэнов в деревне Цинсян испокон веков живёт, родни кругом полно, все за нами присмотрят. Поезжай, посмотри мир.

Отец Чжэна согласно кивнул:

— Именно так, именно так.

Шаньчэн тоже подумал, что младшему брату стоит поехать. Циньинь все эти годы жил в

крайней нужде и бережливости, не зная радостей. К тому же вопрос с замужеством стоял остро: в уезде и выбор будет лучше, и женихи — под стать их новому положению.

— Циньинь, как жатву закончим — поедешь со мной к Шаньцы. И нечего бояться: пока старший и второй братья рядом, никто тебя и пальцем не тронет.

— И невестка тоже рядом будет! — добавил Линь.

В глазах юноши заблестели слёзы. Он судорожно сжал край своей одежды, а затем отпустил. Линь прав: в уезде его второй брат — закон, и никто не осмелится его притеснять. А если вдруг Чжэн Шаньцы будет в тягость его присутствие, он найдёт себе работу в городе, скопит немного денег на чёрный день... Мысль об этом наполнила сердце Циньиня робким предкушением. Он снова вспомнил угрозы Хэ Тяня и невольно вздрогнул. Если он сбежит из деревни, тот его не найдёт. Ему хотелось увидеть мир. К тому же рядом будут близкие — путь не покажется опасным.

Он медленно кивнул.

— Вот и славно! — просиял Линь. — А то пришлось бы нам с твоим мужем тебя связывать да силой тащить.

За этим ужином было окончательно решено, когда семья отправится в Синьфэн. Счастливее всех был Линь. Когда они с мужем умылись и улеглись, гэ'эр в темноте всё ещё тихонько посмеивался.

— Неужто ты так рад? — с сомнением спросил Шаньчэн.

— А как же мне не радоваться? Едем в большое место! Ты — старший брат Шаньцы, неужто он о тебе не позаботится? А значит, и обо мне тоже.

Шаньчэн и сам никогда не бывал в уездном городе, и в глубине души тоже ждал этой поездки с нетерпением. К тому же он давно не видел младшего брата и очень по нему скучал.

— Вот только... легко ли будет поладить со вторым фуланом? — с надеждой в голосе произнёс Линь. — Впрочем, я просто не буду ему досаждать, и всё.

На следующее утро Шаньчэн и Линь, перекусив домашними лепёшками, отправились в город. Невестка прихватил с собой и Циньиня.

— Циньинь, у тебя ведь есть платки и мешочки на продажу? Поедем вместе на волах.

— Подождите, невестка, я сейчас их заберу из комнаты.

Трое родственников подошли к стоянке волов на окраине деревни. Проезд стоил три вэня с человека, и Шаньчэн отсчитал девять монет. Старик-возница, увидев юношу, расплылся в улыбке:

— Что, сегодня всей семьёй на ярмарку? И Циньинь с вами!

— Зима на носу, — ответил Шаньчэн. — Едем за хлопком да тканями на тёплые вещи.

— Рано вы в этом году спохватились. Мы вот жатву закончим, тогда и соберёмся.

Нужно было дождаться, пока телега заполнится. Старший брат перекинулся парой слов со стариком об урожае, и вскоре разговор, как водится, перешёл на Чжэн Шаньцы. Семья уже привыкла к этому: в округе на десять ли не было человека, который бы не знал, что у них теперь есть настоящий чиновник.

— Господин начальник уезда! — важно вещал старик. — Наш, деревенский! Я теперь по округе хожу — грудь колесом. Другие-то начальника в глаза не видели, а я Шаньцы ещё на руках нянчил.

Линь тем временем заглянул в корзинку младшего брата. Тот был мастером иглы — каждый раз его вышивка уходила в городе по хорошей цене.

— Циньинь, я ведь видел, ты вышил тот мешочек с уточками-мандаринками. Они там словно живые, шеи переплели... За такой подарок в городе кучу денег дадут.

Юноша смущённо опустил взгляд:

— Это я для второй невестки... для фулана Шаньцы приготовил.

— Я думал: если не поеду в Синьфэн, то передам через вас. А если поеду — вручу лично. Вот только не знаю, не побрезгует ли он такой простой вещью?

Линь ободряюще похлопал его по спине:

— Как можно! Это ведь от чистого сердца.

Циньинь был слишком рассудительным и скромным для своего возраста, что вызывало у родственников лишь жалость и нежность.

Он лишь кротко улыбнулся. В глубине души юноша всё ещё терзался сомнениями. Прибыв в город, Шаньчэн и Линь отправились за покупками, а Циньинь — в лавку, договорившись встретиться позже в условленном месте.

Он направился к знакомой владелице заведения, и та, завидев его, тут же расплылась в улыбке:

— А, Циньинь! Опять платки принёс?

— Вот, что успел вышить за последнее время. Посмотрите, пожалуйста, сестрица.

— Уж в твоём-то мастерстве я никогда не сомневаюсь, — хозяйка, даже не глядя на товар, приняла корзинку. Работа была безупречной. За каждый из восьми платков она дала по восемь вэней, а за три мешочка — по пятнадцать. Итого вышло сто девять вэней, но женщина отсчитала один цянь и десять вэней. Другому бы она столько не дала, но за стежки этого мастера стоило доплатить.

— Скоро тебе и вовсе не придётся глаза портить, — хозяйка ласково коснулась руки юноши. — Слышала я, теперь ты — брат чиновника, великая милость Небес. Жалко мне тебя было: такой кроха, а с семи-восьми лет уже за иглой сидишь, семье помогаешь. Мой-то сын — лодырь первостатейный, ничего не умеет, не то что ты. Такие, как ты, всем по сердцу.

Циньинь знал, что она шутит — хозяйка души не чаяла в своём сыне. Он лишь тихо улыбнулся:

— Я не такой уж и особенный. Мне кажется, вашему сыну очень повезло.

Выйдя из лавки, юноша почувствовал порыв холодного ветра и невольно поёжился, плотнее запахивая одежду.

— Циньинь, мы здесь! — крикнул весёлый Линь. В корзине за спиной Шаньчэна уже белел хлопок.

Младший брат поспешил к ним. Чужое счастье заслуживало восхищения, но и в его семье всё было не так уж плохо.

— Замёрз, верно? — Линь, словно фокусник, выудил из-за спины свёрток из промасленной бумаги. — Вот, возьми, это свежие паровые булочки с мясом, ещё горячие. Попробуй.

— Невестка, это ведь так дорого...

— Раз купили — значит, ешь! — отрезал Линь. — Чиновники получают немало, к тому же теперь не нужно тратиться на учёбу второго брата.

Шаньчэн бросил на него строгий взгляд, и супруг послушно замолчал.

Юноша принялся за еду. Булочка была обжигающе горячей и сочной, с насыщенным ароматом мяса и специй. Мясо было мелко порублено, начинки не пожалели. Он уже давно не пробовал такого лакомства.

Когда-то, давным-давно, когда они были совсем детьми, родители привезли их троих в город продавать овощи. Дети проголодались, и папа дал Шаньчэну денег, чтобы тот купил булочек.

Старший брат купил три штуки. Он сказал, что не голоден, отдал две младшим, а себе оставил лишь одну.

— Цинъинь, давай заглянем в эту лавку, — Линь потянул его за рукав к ювелирной мастерской. Хозяин встретил их с распостёртыми объятиями.

— Мы просто посмотрим, — привычно отозвался Линь.

Юноша занервничал. Он тихо прошептал, дёргая невестку за край одежды:

— Невестка, здесь всё такое дорогое... Не нужно тратить столько денег.

Подошедший Шаньчэн лишь улыбнулся, а Линь ответил:

— Не бойся, платит твой старший брат.

Линь выбрал шпильку и примерил её Цинъиню. Оставшись довольным результатом, он подтолкнул младшего брата к бронзовому зеркалу.

Тот покраснел и уже хотел было снять украшение, но, увидев своё отражение, замер.

— Очень красиво. Муж, иди плати.

Шаньчэн послушно рассчитался с хозяином. Всё произошло так быстро, что юноша не успел и слова вставить.

Один цянь серебра исчез в мгновение ока.

— Брат, у меня есть свои деньги, я сам заплачу! — всполошился Цинъинь.

— Пока старший брат рядом, ты кошелёк не открываешь, — Шаньчэн напустил на себя суровый

вид.

Линь обнял деверя за плечи:

— Когда поедem в Синьфэн, на тебе должно быть хоть одно приличное украшение.

Уже сидя в телеге, Циньинь всё ещё касался шпильки в волосах, словно не веря своему счастью.

Вернувшись домой, он первым делом заперся в своей комнате и долго разглядывал себя в маленькое зеркальце. Шпилька была простой — с маленьким изящным цветком, но он касался её снова и снова.

У всех нарядных гэ'эров и девушек в деревне были разные украшения, а у него до этого дня не было ни одного. И вот теперь она красовалась в его волосах. Несмотря на долгие годы нужды, его сердце ликовало.

Некоторое время назад Линь заметил, что младший брат совсем не ценит свою красоту, и уговорил мужа купить подарок. Шаньчэн, конечно же, сразу согласился.

Он видел, как тяжело приходилось его брату все эти годы. Супруги решили, что выкроют немного из своих сбережений, чтобы порадовать юношу.

Тем временем Чжэн Шаньцы закончил осмотр земель и успел изучить торговые дела в Синьфэне. Картина была безрадостной: торговля пребывала в упадке, крестьяне продавали свой товар только внутри уезда, не имея возможности вывезти его за пределы — мешало отсутствие нормальных дорог. К тому же список культур, пригодных для песчаных почв, был весьма скуден.

Начальник уезда решил завтра же навести справки о том, какие ещё растения можно выращивать в пустынной местности — он был готов потратиться на семена. Кроме того, продажа урожая вразнобой была делом невыгодным; нужно было создать единую производственную цепочку — только так можно было заработать.

Для осуществления этих планов требовалась поддержка управы, но сейчас главной задачей оставалась жатва. Сбор налогов был важной частью оценки его деятельности. К тому же, если управа возьмёт на себя коммерцию, это может вызвать недовольство среди местных богачей, да и само сословие торговцев стояло в иерархии ниже всех.

Свободных денег у него почти не было. Сейчас все расходы покрывались за счёт приданого Юй Ланьи и тех денег, что прислали тому из поместья маркиза «на булавки». Чиновник не мог

допустить, чтобы его супруг брал на себя основное финансовое бремя. Его жалование составляло семь лян в месяц, и если приедет вся семья, он должен будет сам содержать их всех.

Ему жизненно необходим был собственный источник дохода.

Юй Лань, никогда в жизни не знавший нужды, и представить себе не мог терзаний мужа. Отдохнув несколько дней, он смирился с тем, что в столицу ему пока не вернуться, и принялся искать развлечения на месте.

«Дам-ка я ему немного на карманные расходы»

В саду как раз поспели гранаты, и Лань велел слугам принести лестницу.

Слуги притащили её и вдвоём крепко держали, боясь, как бы молодой господин не упал. Цзинь Юнь умолял хозяина позволить кому-нибудь другому собрать плоды, а самому просто дожждаться угощения.

Но Лань был непреклонен:

— Какой в этом интерес? Я хочу сорвать их сам.

Гранаты в саду были яркими, с лоснящейся кожицей. Лань взобрался наверх, и все присутствующие затаили дыхание.

Он сорвал один плод — округлый и упругий. Молодой господин постучал по нему пальцем, и гранат отозвался чистым, звонким звуком.

«Хорош!»

Лань бросил плод в корзину, которую держал Цзинь Юнь. Это занятие его увлекло, и он сорвал ещё несколько штук.

— Господин, хватит, нам столько не съесть! — взмолился Цзинь Юнь.

Юный супруг уже собирался спускаться, когда во двор вошёл Чжэн Шаньцы с пакетом свежих лепешек. Увидев Лань на такой высоте, он едва не лишился чувств.

— Что это ты удумал?! — воскликнул он, стараясь, впрочем, не кричать слишком громко, чтобы не напугать супруга.

— Гранаты собираю.

С этими словами Ланьи ловко соскользнул вниз, словно по детской горке.

Начальник уезда лишь лишился дара речи. Сердце всё ещё бешено колотилось — он до смерти перепугался, что Ланьи сорвется.

Тот, не дожидаясь приглашения, выхватил из рук мужа свёрток, развернул его и с удовольствием принялся за медовую лепёшку. Она была ещё тёплой и очень ароматной. Ланьи зажмурился от удовольствия — вкусная еда всегда действовала на него умиротворяюще.

— Молодой господин, из гранатов можно приготовить прозрачное желе, гранатовые пирожки или просто выжать сок. Как прикажете? — повар принял корзину из рук Цзинь Юня.

— Делай как знаешь. Лишь бы было вкусно, я в этом ничего не смыслю, — небрежно махнул рукой Ланьи.

Шаньцы уже хотел было отчитать супруга за безрассудство, но, услышав его ответ, внезапно устался на повара.

Тот заметно смутился.

— Господин начальник уезда... почему вы так на меня смотрите?

Повар был человеком дородным, и пристальный взгляд заставил его чувствовать себя не в своей тарелке.

— Ты умеешь готовить много разных блюд? — спросил Чжэн Шаньцы.

— Отвечаю господину: я обучен многому, но более всего искусен в домашней кухне и праздничных пирах. Когда в поместье маркиза принимали гостей, мы с отцом заправляли на кухне. Если же встретится незнакомое блюдо, мне достаточно рецепта, чтобы его повторить. Наш род испокон веков служит поварами.

Чиновник преисполнился почтения:

— Поистине, глубокие семейные познания.

Юй Ланьи с недоумением наблюдал, как Шаньцы схватил повара за руку и с небывалым воодушевлением принялся что-то с ним обсуждать.

Он скрестил руки на груди:

— Что это с ним? Неужто он решил переманить повара, которого мне дал папа?

В этот раз Ланьи почти угадал. Чжэн Шаньцы задумал открыть в городе трактир, и ему не хватало главного — мастера. Раз уж повар был под рукой, грех было этим не воспользоваться.

У него в голове было немало рецептов, и он решил сегодня же вечером заняться их описанием.

Тем временем молодой господин уже устроился в шезлонге и потягивал гранатовый сок.

Такой жизни можно было только позавидовать.

Начальник уезда всё же решил попенять супругу — дело касалось безопасности, и молчать было нельзя.

— Впредь не смей лазать по лестницам, — строго начал он. — А если что случится? Ты теперь глава семьи, не подобает тебе вести себя так легкомысленно.

Ланьи замер:

— ?

«Я — глава семьи?»

Он уже готов был взорваться от гнева и, возможно, даже боднуть Шаньцы головой. Но после таких слов его ярость мгновенно улетучилась, сменившись полным замешательством.

— Кхм, я понял. Просто скучно стало, вот и решил гранаты собрать. К тому же я обучался боевым искусствам, я вовсе не такой хрупкий, — возразил Ланьи. Он и впрямь не походил на обычных гэ'эров, чьи думы заняты лишь деньгами, детьми да придирками свекрови. Ему нужно было заботиться лишь о собственном удовольствии.

После ужина Чжэн Шаньцы взялся за кисть. Его почерк был ровным и каллиграфически точным, в нём чувствовалась уверенность и степенность, которых не доставало прежнему владельцу тела. Тот, несомненно, был талантлив в учении — попасть в список трёхсот цзиньши из огромного числа претендентов было подвигом. Редкий выходец из бедной семьи достигал таких высот.

Вот только человеком прежний обладатель этого тела был никудышным.

Закончив с рецептами, Шаньцы принялся за свои путевые заметки. Он подробно описал всё увиденное в уезде, набросал планы на будущее и отметил первоочередные задачи.

Ланьи, листая очередной роман, вспомнил, что у мужа здесь совсем нет собственных денег. Он достал шкатулку с выручкой от перепродажи своих украшений. Остальные средства находились у счетовода, и тот строго следил, чтобы молодой господин не сорил деньгами.

Шаньцы вышел из кабинета и, умывшись, сказал:

— Завтра вечером внук старейшины Чэна празднует свадьбу. Пойдём вместе на пир.

— Хорошо, я буду во всём тебе подыгрывать, — Ланьи хитро прищурился.

— Шаньцы, у тебя вообще деньги есть? Чтобы ладить со стражей и чиновниками в управе, нужны средства. Не думай, что я ничего не смыслю — я всё же вырос в поместье маркиза и знаю, как делаются дела в этих кругах. Если не будешь давать им «на чай», они станут тебя презирать, перестанут слушаться, и жизнь твоя превратится в ад.

— В столице, за спинами отца и братьев, они бы не посмели вольностей. Но здесь ты один, и их рука сюда не дотянется, — рассуждал супруг, на удивление точно описывая положение вещей.

Начальник уезда невольно сглотнул.

Кто бы мог подумать, что Юй Ланьи так проникателен.

— Оставь свои деньги себе, у меня ещё есть, — попытался он отказаться. У него в кошельке оставалось ровно пятьдесят взней, но, к счастью, еду в управе выдавали бесплатно.

Ланьи вложил в руку мужа купюру достоинством в пятьдесят лянов.

Рука Чжэн Шаньцы невольно дрогнула.

— Бери, это на пару жареных уток, — небрежно бросил супруг.

— ...

«Поистине, пути жизни неисповедимы»

Поразительная щедрость.

— Я хочу открыть трактир, чтобы немного подзаработать, — признался Шаньцы.

Ланьи хлопнул в ладоши:

— Я плачу!

Чиновник даже не успел договорить.

— Считаю это твоим вкладом в дело, — Шаньцы взял лист бумаги и прямо на кровати принялся набрасывать план, словно выступал на деловой презентации. Только вместо совета директоров перед ним был его собственный супруг, с которым он делил одно одеяло.

Глаза Ланьи восторженно заблестели:

— Шаньцы, я ничего не понял из того, что ты наговорил, но звучит это просто замечательно! Я дам тебе денег на этот трактир.

Начальник уезда никогда раньше не встречал таких людей. Глядя на супруга, он подумал: как же вышло, что он оказался связан именно с ним? Он ведь всегда считал, что либо проживёт жизнь в одиночестве, либо найдёт себе в пару кого-то расчётливого и хитрого. Но Юй Ланьи был совсем другим.

И, пожалуй, это было к лучшему.

Он невольно улыбнулся:

— Ланьи, если в мой трактир зайдёт такой щедрый гость, как ты, я буду носить его на руках.

— Это ещё почему? — удивился тот.

— Потому что... — Шаньцы ласково коснулся волос Ланьи. — Ты словно дитя, возвращённое в меду. Тебя невозможно не любить.

«Милое, беззаботное создание. Единственной твоей заботой, видать, стал я сам»

Чжэн Шаньцы подумал об этом и снова улыбнулся.

Ланьи, густо покраснев, тихо спросил:

— Включая тебя?

Теперь настала очередь Шаньцы залиться краской.

<http://bllate.org/book/15809/1433524>